

На правах рукописи

Малыхина Элеонора Сергеевна

ТИПОЛОГИЯ ГЕРОЕВ В ПРОЗЕ Н. Н. БЕРБЕРОВОЙ

Специальность 10.01.01. – Русская литература

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

Москва

2013

Работа выполнена на кафедре русской литературы XX века
филологического факультета Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Михайлова Мария Викторовна

Официальные оппоненты: Громова Алла Витальевна

доктор филологических наук, доцент
Московский городской педагогический
университет,
профессор кафедры русской новейшей
литературы и читательских практик

Белукова Виктория Богдановна

кандидат филологических наук
Московский государственный областной
университет,
доцент кафедры русской литературы XX века

Ведущая организация: Северо-Осетинский государственный университет
имени К.Л. Хетагурова

Защита состоится «19» декабря 2013 г. в 16 часов на заседании

Диссертационного совета Д 501.001.32 при Московском государственном
университете им. М.В. Ломоносова по адресу: 119991, Москва, ГСП-1,
Ленинские горы, 1-й учебный корпус, филологический факультет.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Московского
государственного университета имени М.В. Ломоносова

Автореферат разослан «__» _____ 2013 г.

Учёный секретарь диссертационного совета,

доктор филологических наук,

Голубков Михаил Михайлович

профессор

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Творчество Нины Николаевны Берберовой (1901-1993) принадлежит к наиболее значительным явлениям первой волны русской эмигрантской литературы. Непосредственная близость к старшему поколению первой волны эмиграции сыграла ключевую роль в формировании эстетических принципов писательницы и её мировоззрения, обеспечив постоянную эволюцию художественного видения мира и погружение в особую культурную среду, порождённую ещё Серебряным веком. Это определило и совершенно уникальное положение Берберовой среди писателей (и особенно писательниц) младшего поколения русского эмигрантского Парижа.

Проявив себя в лирике и драме, а также обращаясь к самым разнообразным прозаическим жанрам (от рассказа до социально-бытового романа и автобиографии), Берберова оставила после себя творческое наследие, поражающее разнообразием форм и изображённых характеров. В нём мы находим не только обращение к проблемам эмигрантской жизни (циклы рассказов «Биянкурские праздники» (1929-1934), «Рассказы не о любви» (1931-1940), романы «Без заката» (1938), «Мыс Бурь» (1950) и др.), но и художественное осмысление деятельности и судеб конкретных выдающихся людей (беллетризованные биографии «Чайковский» (1936) и «Бородин» (1938), эссе «Александр Блок и его время» (1947) и т. д.), а также попытку научной систематизации гуманитарных знаний (исследование «Люди и ложи», 1986).

Несмотря на полученное ещё при жизни признание, творчество «мисс Серебряный век» Берберовой (А. Вознесенский) долгое время не вызывало должного интереса в филологическом сообществе, ведь когда русские исследователи в начале 1990-х гг. наконец получили возможность свободно писать о литературе эмиграции, они стали обращаться преимущественно к самым громким именам. В связи с этим сформировалась тенденция причислять имя Берберовой к писателям второго ряда. Так, кандидатская диссертация А. А. Кузнецовой озаглавлена «Идейное и художественное своеобразие мемуарной прозы второстепенных писателей русской эмиграции: Н. Берберова, И.

Одоевцева, В. Яновский» (2005). При характерном для этого исследования рассмотрении творчества Берберовой в широком философском контексте (ценным компонентом следует признать выделение такого важного для понимания творчества писательницы элемента, как её ориентация на идеи Ницше) сделанные в работе выводы не в полной мере отражают творческую индивидуальность писательницы, а аналитическая часть работы лишена единства принципов при характеристике образа «Я-персонажа» из «Курсива моего».

Компаративистский подход, препятствующий признанию самостоятельной ценности произведений писательницы, стал ведущим и для других исследований, в которых проблематика прозы Берберовой была выбрана в качестве объекта изучения. Обращаясь преимущественно к одному «знаковому» тексту из всего корпуса её прозы - к автобиографии «Курсив мой», - авторы активно изучают его жанровые параметры в сопоставлении с близкими по типу текстами (кандидатские диссертации С.В. Крыловой «Мемуарно-автобиографическая проза 60-70-х годов XX века: Н. Мандельштам, Н. Берберова» (1995) и Е.Л. Кирилловой «Мемуаристика как метажанр и её жанровые модификации» (2004)). В Польше защищается диссертация, полностью посвящённая творчеству писательницы, но её тема звучит не совсем филологически: «Koleje losu Niny Berberowej a jej autobiografia "Podkreślenia moje" («Превратности судьбы Нины Берберовой и ее автобиография "Курсив мой"»», 2007).

Помимо рецензий современников¹, написанных сразу же после выхода произведений, исследований, посвящённых другим текстам писательницы (за исключением некоторых статей общего характера², описывающих

¹ См., например, Чагин А. Курсив времени // Литературная газета. 1989. № 16 (5238). С. 4;

Чагин А. Послесловие к Курсиву // Литературная газета. 1989. 18 июля. № 29. С. 7;

Чагин А. Противоречивая целостность // Российский литературоведческий журнал. Теория и история литературы. М., 1994. № 4. Сс. 13-18.

² Например, выделяются работы О. Демидовой и С. Иконниковой. См.: Демидова О. Женская проза и Большой канон литературы русского зарубежья // Мы. Женская проза русской эмиграции. СПб., 2003. Сс. 3-18; Демидова О. Р. Канон и антиканон: образ матери в эмигрантской женской прозе // Пол. Гендер. Культура. Вып. 4. М., 2003. Сс. 251-266; Демидова О.Р. Европа «русскими глазами» // Вопросы литературы. 2007, № 3. Сс. 354-361; Демидова О.Р. Писательницы русской эмиграции: дважды другие (рукопись).

литературную ситуацию в целом, куда включён выборочный анализ некоторых её произведений), очень мало. Среди этого небольшого количества можно особо выделить обращённые к роману «Чайковский», второму по популярности после автобиографии тексту. О нём пишут итальянская исследовательница и переводчица книги «Курсив мой» П. Деотто³, пытающаяся во фрейдистском ключе объяснить душевные терзания и закомплексованность композитора его нетрадиционной сексуальной ориентацией, а также Т. Колядич⁴, Г. Грузман⁵, А. Кузнецов⁶ и др., рассуждающие о трактовке Берберовой природы музыкального творчества и личности Чайковского. Вопросами поэтики прозы и непосредственно поиском героя в творчестве Берберовой занимаются Е. Пугачёва⁷, рассматривающая мотивы и образы малой прозы писательницы, Н. Великая⁸, размышляющая о том, как Берберова, исследуя эмигрантский быт, находила персонажей для своих произведений, М. Хатямова⁹, анализирующая композицию и сюжетные особенности рассказов и повестей, а также мотивную структуру такого романа, как «Бородин», и др.

Следовательно, построение типологии героев на материале прозаических текстов Н. Берберовой очень перспективно, так как практически эта проблема не освещалась ранее. Во-первых, сам по себе прозаический материал, несмотря на происходящую со временем эволюцию мировоззрения писательницы, отличается определённым единством стиля и авторского отношения к людям и проблемам; во-вторых, наличие в творческом наследии писательницы такого

Иконникова С.Н. Женщины серебряного века: жизнь и творчество // Тезисы докладов III научной конференции «Российские женщины и европейская культура», 23-25 сентября. СПб., 1996. Сс. 68-71.

³ Деотто П. Биографический дискурс Берберовой о Чайковском // Russian literature. 1999. XLV-IV. Сс. 119-133.

⁴ Колядич Т. Возращение Чайковского // Русская литература XX века. Итоги и перспективы изучения. М., 2002.

⁵ Грузман Г. Нина Берберова и музыка Чайковского. http://lit.lib.ru/g/gruzman_g/nina.shtml 17/02/2009

⁶ Кузнецов А. Нина Берберова. Чайковский // Новый мир. 1998. № 1. Сс. 229-231.

⁷ Пугачёва Е. Поэтика прозы Нины Берберовой // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. Владивосток, 2010. № 3 (11). Сс. 12-14.

⁸ Великая Н. Малая проза Н.Н. Берберовой: поиски героя // Проблемы славянской культуры и цивилизации. Уссурийск, 2003. Сс. 124-129.

⁹ См.: Хатямова М.А. Культуросохраняющая семантика структуры «текст в тексте» в повести Н. Берберовой «Акомпаниаторша» (1934) // Сибирский филологический журнал. Барнаул. 2008. № 1. Сс. 76-86;

Хатямова М. Германия в художественной биографии Н. Берберовой «Бородин» // Русское в немецких дискурсах, немецкое в русских дискурсах. Томск, 2009. Сс. 214-219;

Хатямова М.А. Организация повествования в рассказах Н.Н. Берберовой (от «Биянкурских праздников» к «Рассказам не о любви») // Вестник Томского Государственного университета. Томск, 2012. № 3 (19). Сс. 100-110.

объёмного и подробного автобиографического текста, как «Курсив мой», где представлен «Я-персонаж», являющийся «импульсом» к созданию базовой бинарной оппозиции, по которой могут быть впоследствии распределены типы личностей (а, значит, соответственно, характеры и герои), значительно облегчает поиск опорной точки при создании теоретической персонажной матрицы.

«Всю жизнь любила победителей больше побеждённых и сильных более слабых»¹⁰, - таково высказывание самой писательницы, появившееся в книге «Курсив мой» и послужившее в качестве необходимого «импульса» для теоретических построений в данной работе. А косвенным подтверждением правомерности такого выбора выступит мнение критиков-современников и, в частности, Ю. Терапиано, который в рецензии на роман «Повелительница» в качестве общей характеристики творчества Берберовой указал на «столкновение победителей и побеждённых жизнью»¹¹. Взятое за точку отсчёта понятие «героя» в своём динамическом и типологическом развитии поможет, подключив также жанровые и некоторые иные характеристики текста, выйти на уровень проблематики и сформировать общий взгляд на мировидение писательницы.

Научная актуальность работы заключается в привлечении к анализу с точки зрения выявления в образной системе автора различных типов героев максимально широкого корпуса прозаических текстов Берберовой, среди которых многие ранее не подвергались литературоведческому осмыслению. Создание типологии героев позволяет структурировать пространство её прозаических текстов, обнаружить повторяемость определённых персонажных моделей.

Материалом исследования являются прозаические тексты Берберовой - как художественные, так и автодокументальные и публицистические. При этом в качестве дополнительного материала к анализу при необходимости

¹⁰ Курсив мой. М., 2009. С. 466.

¹¹ Терапиано Ю. Встречи. 1926-1971. М., 2002. С. 275.

привлекаются критические высказывания писательницы, а также её лирические и драматические произведения. Основными текстами, ставшими предметом анализа для данного исследования, являются циклы рассказов «Биянкурские праздники» и «Рассказы не о любви», отдельные рассказы «Барыни», «Зоя Андреевна», «История Маши Мимозовой», «В ночь бегства», романы «Последние и первые», «Повелительница», «Без заката», «Мыс Бурь», эссе «Александр Блок и его время», репортаж «Дело Кравченко», повести «Аккомпаниаторша», «Роканваль», «Облегчение участи», «Лакей и девка», «Мыслящий тростник», «Воскрешение Моцарта», «Чёрная болезнь», «Плач», «Конец Тургеневской библиотеки», «Памяти Шлимана», «Большой город», автобиография «Курсив мой», биографические работы «Железная женщина», «Чайковский», «Бородин», исследование «Люди и ложи».

Объектом диссертационного исследования является прозаическое наследие Берберовой за период с 1925 г. по 1986 г.

В предмет исследования входит типология героев прозы Берберовой и эволюция различных типов героев, формировавшаяся на протяжении всего творческого пути писательницы.

Научная новизна работы заключается в создании типологии героев на материале всего прозаического творчества Берберовой, что предпринимается впервые. При построении типологической персонажной схемы в фокусе исследовательского внимания оказываются такие ключевые понятия литературного анализа, как мотивная структура произведения, сюжет, композиция, символические детали и иные текстовые элементы, что позволяет раскрыть структуру личности героя и классифицировать персонажи произведения в соответствии с предложенной в исследовании схемой.

Таким образом, **целью** данного исследования явилось построение функциональной и «подвижной» системы типологии героев, учитывающей возможные модификации и эволюционные процессы, характеризующие творчество писательницы, и принимающей во внимание диахронический вектор изучения текстов.

В связи с этим были поставлены следующие основные **задачи**:

- 1) классифицировать прозаические тексты Берберовой по жанровому признаку;
- 2) выявить типологию героев в представленных жанровых группах;
- 3) проследить повторяемость в ее произведениях определенных выделенных моделей героев;
- 4) выявить эволюцию означенных типов героев на протяжении творческого пути автора;
- 5) создать обобщённую типологию героев в прозе Берберовой.

Ввиду того что основными идейно-эмоциональными доминантами творчества Берберовой являются самопознание и самовыражение («нужно было самой найти свою жизнь и её значение»¹²), для **методологии** данного исследования наиболее продуктивными стали имманентный и герменевтический подходы, потому что именно имманентный метод, подкрепленный герменевтическим анализом текста, особое внимание уделяет «внутреннему взгляду» писателя/героя и авторскому художественному самоопределению как классифицирующему признаку. Тем не менее, необходимость обращения к максимально широкому кругу прозаических текстов писательницы обусловила использование историко-литературного, сравнительно-исторического и историко-типологического методов, что позволило выявить типологию героев писательницы, принимая во внимание в историко-культурный контекст.

Теоретико-методологическую базу работы составили историко-литературные и теоретические исследования Ю. Н. Тынянова, В. М. Жирмунского, М. М. Бахтина, Ю. М. Лотмана, Д. С. Лихачева. Теоретические принципы Л. Я. Гинзбург в сфере биографического метода с опорой на психологизм и историзм также позволили ввести произведения Берберовой в социокультурный контекст. Кроме того, особо ценным было внимание этого исследователя к символическому значению деталей, «прописыванию» сюжета и

¹² Курсив мой. С. 5.

композиции, выражающим авторскую позицию, отношению к «промежуточным» литературным жанрам с документальной основой («человеческий документ»). Также при работе с художественно-публицистическими и автодокументальными текстами использовались теоретические разработки Ф. Лежёна, И. Л. Савкиной, А. В. Громовой, А.А. Холикова и др.

Теоретическая значимость работы заключается в создании типологии героев, увиденных в развитии, соответствующем эволюции творчества писательницы. Такая классификация позволяет получить построенную на единых теоретических основаниях систему, используемую для анализа разножанровых прозаических текстов писательницы, и выявить ключевые категории, определяющие и структурирующие художественное пространство Берберовой.

Практическая значимость работы состоит в возможности применения выстроенной типологии в качестве инструмента анализа произведений Берберовой, а также – при совпадении общих принципов творчества - и произведений других писателей. Разработанная типология также может стать основой для создания иных разработок типологий героев, служить теоретической базой для написания глав учебников, подготовки к чтению курсов и проведению практических занятий по литературе русского зарубежья и русской литературе XX века.

На защиту выносятся следующие **положения**:

- 1) Художественно-публицистические, автодокументальные и собственно художественные тексты Н.Н.Берберовой представляют собой целостную систему, объединённую единством авторского стиля и комплексом мировоззренческих позиций, выражающихся в стремлении к самопознанию и утверждению «Я» в мире как способу обретения подлинной свободы личности.
- 2) Целесообразным и эффективным при выявлении типологии героев прозаического творчества Берберовой оказывается подкреплённый герменевтическим анализом имманентный метод, в полной мере учитывающий

«внутренний взгляд» писателя/героя и авторское художественное определение как базовый классифицирующий признак.

3) Концептуальным «ядром» системы героев в прозе писательницы является несущий «позитивную» стратегию самопрезентации «Я-персонаж», неизменными характеристиками которого являются активность, витализм, стремление к самосовершенствованию. «Я-персонаж» задает бинарную систему оппозиций «победители/побеждённые», являющуюся опорной ценностной перспективой, по отношению к которой выстраивается индивидуальная авторская типология героев прозы.

4) Оппозиция «победа/поражение» представляется ключевой для художественного мышления Берберовой. Развиваясь в контексте модернистских поисков «бунтующей» личности, характерных для традиции Серебряного века, писательница делает упор на утверждение «сильного» человека, восходящего к ницшеанскому прообразу героя-«победителя», наделенного инстинктивным желанием выжить в любых предлагаемых эпохой обстоятельствах. «Побеждённые» же пасуют перед лицом жизненных испытаний.

5) Художественно-публицистическая и автодокументальная проза Берберовой посвящена преимущественно моделированию героя-«победителя» («Я-персонаж», Закревская-Бенкендорф-Будберг, Виктор Кравченко и др.), а галерея «побеждённых» представлена главным образом в художественных жанрах. Среди «победителей» выделяются следующие вариации: «триумфатор», «первопроходец», «талантливый», «роковой», «счастливый» герои. В свою очередь, «побеждённые» делятся на следующие подтипы: «жалко-совестливые», «хищники-обманщики», «борющиеся пораженцы», «мыслящие тростники». Особым статусом в этой классификации наделен тип «творца-музыканта» (Чайковский, Бородин), синтезирующий в себе черты героя-«победителя» и героя-«побежденного».

6) В отношении поиска героя эволюция художественного мышления Берберовой концептуально развивается в рамках оформления «Я-персонажа» и

нарциссического обнаружения его «отражений» в подтипах героев-«победителей» - в отмежевании от «побежденных» во всех предлагаемых вариантах и в утверждении героя-«творца», совмещающего в себе «трагические» черты пребывания в мире с природой «сильной» личности, что можно определить как завершение диалектической триады: «тезис-антитезис-синтез».

Апробация работы проходила в несколько этапов на следующих научных конференциях.

- 1) Международная научная конференция «Ломоносов-2008». 8-11 апреля 2008г., Москва. МГУ им. М.В. Ломоносова (доклад: «Роль музыки в малых жанрах прозы Нины Берберовой»).
- 2) Международная научная конференция «Ломоносов-2009». 14-17 апреля 2009 г., Москва. МГУ им. М.В. Ломоносова (доклад: «Символика звука в повести Н. Берберовой “Роқанваль”»).
- 3) Научная конференция «Образы Италии в истории и культуре: музыка, литература, живопись, кино, язык, экономика, политика». 26 октября 2011 г., Нижний Новгород. Нижегородская государственная консерватория им. М.И. Глинки. Национальный исследовательский институт Высшая школа экономики (доклад: «Образы Италии в прозе Нины Берберовой»).
- 4) Международная научно-методическая конференция аспирантов, соискателей и преподавателей вузов «Музыкальное образование и наука». 29 февраля – 2 марта 2012 г., Нижний Новгород. Нижегородская государственная консерватория им. М.И. Глинки (доклад: «Образы Чайковского и Бородина в биографических романах Нины Берберовой»).
- 5) Международная научная конференция «Ломоносов-2012». 9-13 апреля 2012 г., Москва. МГУ им. М.В. Ломоносова (доклад: «Последние и первые»: к проблеме формирования стиля писательницы»).
- 6) Международная научная конференция «Поэтика быта: Русская литература XVIII-XXI вв.» (Poesie des Alltags: Russische Literatur vom 18.

bis 21. Jahrhundert). 9-12 сентября 2012. Gießen, Германия (доклад: «Быт русской эмиграции первой волны в изображении Нины Берберовой (цикл “Рассказы не о любви”»)).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения и библиографии, включающей в себя 275 наименований. Общий объем составляет 211 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается выбор темы, ее научная актуальность и новизна, излагаются цель и задачи диссертации, приводятся сведения о ее теоретической и практической значимости, апробации и структуре.

В первой главе работы, названной **«Проблема героя и его типологической характеристики в современном литературоведении»**, даётся представление о трактовке понятий «персонаж» и «герой» с установлением терминологического соответствия.

Исторически понятие «герой» было связано с воплощением образца для подражания (героический эпос, сага и т. д.). Однако постепенно под «героем» стали понимать лицо, выделяющееся в повествовательной структуре и занимающее в ней центральную позицию. Так, сложилась тройственная система интерпретаций понятия «герой»: 1) носитель «героического»; 2) действующее лицо, близкое авторскому идеалу; 3) активный в повествовательной структуре деятель. В любом случае можно говорить о том, что «герой» - это персонаж с особым статусом, и так как «в современном литературоведении слова *персонаж* и *герой* взаимозаменяемы»¹³, в диссертации сохранена традиция синонимической номинации этих понятий, рассматриваемых на одном уровне и имеющих общий статус.

Исторический экскурс и анализ уже заявленных в литературоведении моделей построения типологий, введённых в широкий контекст социологических, общефилософских и антропологических знаний,

¹³ Исакова И. Н. Литературный персонаж как система номинаций. М., 2011. С. 133.

подготавливает фундамент предложенной в исследовании классификации героев. Типология Аристотеля с ее этической антитезой «добро/зло», становящейся базовым принципом классификации персонажей, не отвечает изменениям, произошедшим в художественном мышлении XX века, поскольку в нём происходит нивелирование оппозиционных отношений между «положительным» и «негативным». То же самое можно сказать и о пятичленной системе модусов Н. Фрая, и о классификации В.Я. Проппа, разработанной специально для волшебных сказок: такие модели разграничения типажей функциональны лишь применительно к определенному социологическому параметру, литературному течению или какому-либо одному жанру.

Этические принципы, безусловно, фундаментальны для понимания природы человеческой личности, однако современная типология героев литературы предполагает тесную связь характера человека с окружающей средой и внешними обстоятельствами, поскольку именно они влияют на формирование и эволюцию того или иного характера, что и отражается в реалистических текстах. Противоречие, связанное с включением внешних обстоятельств в структуру личности, было преодолено К. Юнгом, положившим в основу теории психологических типов два вида установки – экстраверсию и интроверсию в качестве двух базовых отношений личности к окружающему миру. В результате были выделены восемь психологических типов, каждый из которых обладает доминирующей функцией (чувствующей/интуитивной/ощущающей или мыслительной). Тем не менее, применение данной классификации к литературному творчеству может привести к образованию лакун, так как конкретно-авторская типология может оказаться шире, чем психологический фундамент теории.

Из идеи связи характера и среды, развиваемой Н.Г.Чернышевским, В.Г.Белинским, А.Ф.Лазурским, вырастает и теория М. М. Бахтина о двух основных направлениях в построении характера: классическом (подчиняющийся обстоятельствам и зависящий от судьбы) и романтическом

(инициативный и реализующий себя через собственную идею). Так закрепилось противопоставление «новых» и «старых» людей, надолго разделившее персонажей русской литературы на два лагеря. В дальнейшем «новый человек» начинает восприниматься как нечто всё более положительное, «своё», а «старый» как отжившее, «чужое». На оппозиции «свой/чужой» выстраивается и поэтика социалистического реализма, в которой советский герой-протагонист (красноармеец, пролетарий, ответственный работник внутренних органов и т. д.), маркированный в качестве «нового человека» и «правильного» героя, принадлежащего к «победившему» классу, резко противопоставляется враждебному лагерю «старых» и «чужих» в новой системе действительности людей. Для культуры же Серебряного века актуальной становится оппозиция «кроткого/бунтующего» героя, во многом восходящая к персонажной системе Достоевского, влияние которого на творчество Берберовой отмечалось не только ею самой, но и рядом современников писательницы (В. Вейдле, Б. Зайцев, Г. Струве, Ю. Сазонова и др.), а также современными литературоведами (И.В. Пантелей). «Бунтующие» герои наделяются демоническими, асоциальными чертами, зачастую они связаны с потусторонним миром (Передонов из «Мелкого беса» Сологуба, Аблоухов из «Петербурга» Белого, Иуда Искарот из одноименной повести Андреева и т. д.), «кротких» же характеризует христианское миропонимание, способность страдать и сострадать.

В связи с художественным и стилевым многообразием литературы XX века и процессом глобального «размывания» жанровых границ современное литературоведение всё реже предпринимает попытки построить какую-либо общую, генерическую типологию героев. Для литературы XX века базовой константой оказывается сам автор, в творчестве которого и складывается индивидуальный комплекс идей, образов и типов героев. Следовательно, продуктивным оказывается именно имманентный подход, обеспечивающий построение типологии, эффективно функционирующей в текстах конкретного автора, особенно в тех случаях, когда в творческом наследии автора есть

автодокументальный текст (для творчества Берберовой таким базовым произведением является «Курсив мой»). Именно в нём обнаруживаются многочисленные авторские суждения о характерах и человеческих типах в целом.

Таким образом, все рассмотренные типологии персонажей делятся на генерические (общие и потенциально рассчитанные на любой художественный текст) и имманентные (исходящие из художественной системы конкретного автора). Для анализа творчества Берберовой выбран имманентный метод, учитывающий авторские «указания», рассыпанные в текстах: именно они и служат «импульсом» для построения классификации героев.

При создании типологии героев, сама возможность которой предполагает наличие у писателя общего взгляда на людей и некоторую систематизацию, воспроизводимые в художественном ракурсе, обращение к автобиографическому источнику, где этот «общий взгляд» на вещи и действительность и находит своё отражение, становится в некотором роде доказательной базой исследования, своеобразным метатекстом. При создании типологий такого рода не стоит забывать и о возможности эволюции писательского сознания, в чём признавалась и сама Берберова, когда писала, что «система личных символов, как и всё остальное в мире, подвержена мутациям»¹⁴. Поэтому с помощью выявления двух основополагающих личностных типов, находящих отражение в персонажах произведений Берберовой («победители», ориентированные на «Я-персонаж» «Курсива моего», и «побеждённые» как его антагонистическое соответствие), было намечено обнаружение более дробных модификаций героев на основании их многочисленных вариаций.

Во второй главе - **Воплощение авторского мировидения через оппозицию “победители” / “побеждённые” на материале художественно-публицистических и автодокументальных жанров** - осуществлён анализ автодокументальных и художественно-публицистических текстов Берберовой,

¹⁴ Курсив мой. С. 5.

отличительной чертой которых является авторская установка на фактографичность и хорошо верифицируемая референциальность самих героев. Материалом для создания типологии стали такие книги, как «Александр Блок и его время» (1947), «Дело Кравченко» (1949), «Курсив мой» (1969), «Железная женщина» (1981), «Люди и ложи» (1986).

Для определения жанровой природы данных текстов в них были выявлены следующие концептуальные аспекты: 1) установка писательницы на подлинность изображаемых событий; 2) элементы публицистического и научного стиля; 3) наличие в тексте многочисленных документов, свидетельств и конкретных фактов, включённых в основную ткань повествования наравне с традиционными элементами поэтики, характерными и для художественных текстов, как-то: сюжет, композиция и т.д.; 4) для Берберовой характерна роль культурного «транслятора» и установка на «сохранение» информации и ответственность за её достоверность.

Опираясь на авторскую установку отражения героя во взаимодействии с эпохой, можно обнаружить в анализируемых произведениях единую авторскую концепцию, нередко обозначенную в названии текста или заявленную в начальных строках. Так ведущая идея становится ключевым концептом для всего текста. В «Курсиве моем» – это идея постоянного самопознания/самораскрытия и формулирование философии «выживания», в книге «Александр Блок и его время» – мысль о Родине, «губящей» своего гениального сына-поэта. В анализируемых текстах практически стирается граница между авторским «Я» и Берберовой как реальным лицом, что даёт возможность сделать вывод о достаточной проявленности личности автора, его оформленной позиции и ярко выраженном отношении к самим героям. Продуктивной оказалась и попытка проанализировать «квазимемуары» («Курсив мой») «по законам художественного мира»¹⁵. Само построение типологии персонажей на материале художественно-публицистической и автодокументальной прозы Берберовой стало возможным благодаря

¹⁵ Кузнецова А. Её «курсив...» // Берберова Н. Курсив мой. М., 2010. С 12.

созданному в книге «Курсив мой» образу «Я-персонажа», позволяющему спроецировать позицию и взгляды других персонажей из выделенной жанровой группы на ценностную парадигму, представленную в мемуарно-автобиографическом, базовом метатексте.

Наряду с витализмом, определяющей характеристикой «Я-персонажа» в «Курсиве моем» является уважение к разуму, примат «головного» начала над эмоциональной сферой. Также большое значение для «Я-персонажа» имеет самоутверждение в мире, понимаемое как максимальная степень свободы. С этим связан лейтмотив нарушения социальных норм и табу, а также андрогинное начало, присущее «Я-персонажу», т.е. подчеркивание врожденной психологической «маскулинности» при ярко выраженном «феминном» комплексе черт характера. Вместе с тем еще одной важной характеристикой «Я-персонажа» оказывается трактовка одиночества как положительной категории, как «самого естественного, самого достойного состояния человека»¹⁶. Таким образом, «Я-персонаж» Берберовой не увлечен романтической мыслью «переделать мир», но склонен заниматься самосовершенствованием, подбирая «ключи к настоящему» и «перековывая» себя согласно законам своего «великого» века, что и делает его в конечном счёте «победителем».

Так, оппозиция «победа/поражение» становится ключевой для мировоззрения Берберовой. Звено «победителя» закрепляется за «Я-персонажем», несущем в себе «позитивную» стратегию самопрезентации, а звено «побежденные» оказывается в позиции подчинения. Героев-«победителей» в автодокументальных и художественно-публицистических произведениях Берберовой оказывается больше: если среди «побеждённых» только Блок (и то лишь с определёнными уточнениями и оговорками контекстуального характера), то «Я-персонаж», «железная женщина» Закревская, Кравченко и собирательный герой «масон» оказываются «победителями». Это связано с сознательным выбором Берберовой в качестве

¹⁶ Курсив мой. С. 26.

героев своих книг сильных личностей, исторически доказавших состоятельность своей жизненной позиции. Герои-«победители» а priori обладают инстинктивным желанием «выжить» и способностью идти на компромиссы, «примеряясь» к эпохе, отвечая на её вызовы. Из богатейшего материала, предоставленного писательнице её эпохой и самой жизнью, она осознанно и целенаправленно выбирала для своих произведений героев, которых ощущала близкими себе, и выстраивала образы героев-«победителей» по собственному образцу. Герои-«побежденные» в автодокументальной прозе Берберовой не предпринимают попыток бороться с происходящими изменениями и переводят этот внешний конфликт во внутреннее измерение. И в том, и в другом случае присутствует единая авторская стратегия представления героев: их характеры заявлены достаточно декларативно, без особых художественных нюансировок, присутствующих на уровне поэтики текста (нет характеризующего быта, символических деталей, поведенческой вариативности, нагнетания соответствующей атмосферы). На создание образа героя «работает» в первую очередь сюжетная линия, композиция, фактографическое описание поступков и общая характеристика, данная персонажу в начале произведения. Таким образом, прямое авторское представление героя через сюжет и действие, перемежающееся с авторскими комментариями, становится основным приёмом Берберовой, позволяющим ей полноценно раскрыть в тексте свою позицию.

Третья глава - **«Типологическое разнообразие и его эволюция в романах, повестях и рассказах Н. Берберовой»** - посвящена раскрытию образов героев на материале художественных произведений Берберовой, в число которых входят такие романы, как «Последние и первые» (1929), «Повелительница» (1932), «Без заката» (1938), «Мыс Бурь» (1950), а также многочисленные повести и рассказы. Данные художественные тексты рассматриваются в целостности, поскольку практически все их герои являются русскими эмигрантами или людьми, каким-либо образом связанными с эмигрантским миром, однако множественность типажей потребовала

разделение главы на 10 параграфов, позволяющих структурировать представленный материал.

В начале главы решается вопрос о соотношении персонажей, созданных Берберовой, с общей для литературы первой волны русской эмиграции задачей «предъявления героя», актуального для «нового времени» и способного впитать в себя новый культурный опыт. Для этого привлекаются как статьи общего характера, появившиеся в эмигрантской прессе, так и конкретные отзывы на произведения писательницы, в которых внимание фиксируется как раз на репрезентируемых автором системах персонажей. Так, эмигрантская критика сумела обнаружить диспозицию «победителей» и «побеждённых» уже в ранних текстах писательницы (Ю. Терапиано), а также «режиссуру» автора, приводящего героев к заранее заданным результатам (Г. Адамович). «Позитивная» стратегия самопрезентации Берберовой вместе с напрямую зависящим от этого авторским взглядом на проблему формирования героя и предлагаемые ею интерпретации различных типов личностей находят прямое отражение в героях её художественных текстов: биполярная модель «победители и побежденные» вновь оказывается актуальной.

Выражение Берберовой позитивного мироощущения в контексте преимущественно депрессивных настроений эмигрантской литературы первой волны можно считать уникальным. Помимо очевидного влияния философии Ницше, противопоставлявшего сильных «сверхчеловеков» слабой массе, в стремлении Берберовой оправдать героев-«победителей» их любовью к жизни и витализмом проглядывает и толстовская идея «живой жизни».

В малом жанре – рассказах – по большей части присутствуют герои-«побежденные». К исследованию психологии героев-«победителей» Берберова обращается в романах, и зачастую именно они становятся главными героями повествования. В рамках среднего жанра – повести – происходит конфликт «победителей» и «побежденных», оказывающийся движущей силой развития действия.

Среди «побежденных» выделены следующие подтипы: 1) «жалко-совестливые»; 2) «хищники-обманщики»; 3) «борющиеся пораженцы»; 4) «мыслящие тростники». «Победители» - это безусловные «триумфаторы», в чьей жизненной победе не приходится сомневаться; они либо находятся на пути к победе, либо в ключевые моменты демонстрируют свое очевидное превосходство. При этом очень разнообразны в творчестве Берберовой именно женские образы «победительниц»: «роковые» женщины Елена Шиловская и Ньюша, «талантливая» Травина, «счастливая» Вера, а мужской инвариант представлен лишь в образе «первопроходца» - Ильи Горбатова.

В первом параграфе третьей главы **«Столкновение “победительницы” и “побеждённой” в повести “Аккомпаниаторша”»** детально прописан конфликт певицы Травиной и её аккомпаниаторши Сони. Это 1) женское соперничество, связанное с внешностью (дихотомия «красивая/некрасивая»), 2) творческое соревнование и 3) любовное столкновение. Читатель при этом наблюдает за происходящим глазами «побежденной», фиксирующей происходящее в дневнике, форма которого позволяет подробнейшим образом изложить ход её мыслей. Показательна расстановка сил героев «Аккомпаниаторши», поскольку здесь на авансцене две женщины, незримый конфликт между которыми намечается с первых же страниц произведения и выдержан до самого конца. Взаимоотношения героинь «инструментированы» и художественно: жизнь Сони, несмотря на её музыкальную профессию, проходит в полной тишине; иногда её образ лишён описания звуков, а порой мотив тишины словно специально маркирован. Сама девушка даже уничижительно сравнивает себя с маленьким и едва заметным насекомым, в то время как Травина нарочито «шумна», громкоголоса и, несмотря на свою очевидную аморальность, «оправдана» наличием удивительного таланта

Анализу героев-«побежденных» посвящен второй параграф **« “Жалко-совестливые” герои биянкурской толпы»**, в котором отмечается, что большинство текстов из цикла рассказов «Биянкурские праздники» связано между собой фигурами сквозных персонажей, «мигрирующих» из рассказа в

рассказ. При этом Берберова рисует людей предельно разобщенных: они с большим трудом могут социализироваться и даже вступить в диалог друг с другом. Конфликт подменяется здесь ситуациями, построенными на недоразумениях и случайностях, а огромную роль для создания гнетущей атмосферы играют бытовые детали.

Объединяющей характеристикой героев цикла оказывается дезориентация: социальная, географическая, хронотопическая. Это эмигрантский тип «подпольного» героя, обитающего в «социальной пустоте»¹⁷ (И. Каспэ). Основной целью такого «подпольного» героя становится выживание, но не такое, которое прокламируется «Я-персонажем», а лишь жалкое примирение с гнетущими обстоятельствами, которое даётся ему с невероятным трудом. «Жалко-совестливые» герои изображаются Берберовой иронично, вместе с тем они предельно обобщены и невычленимы из толпы. У них можно отыскать индивидуальные черты профессионального, внешнего или какого-либо иного характера, но они настолько унифицированные и смешанные, что различить их в общей массе почти невозможно. Здесь Берберова, несомненно, воспользовалась опытом писателей натуральной школы XIX века, для которых важнейшим показателем являлось взаимодействие человека и среды. Но писательница делает упор не на профессиональных качествах, а на морально-нравственной составляющей характера героев.

Для литературы первой волны русской эмиграции характерно стремление к подавлению «живого» чувства, что связано с болезненными процессами привыкания к жизни на чужбине. Основные мотивы, пронизывающие эмигрантское бытие, анализируются в третьем параграфе («**“Хищники-обманщики” на фоне угнетающего быта (“Рассказы не о любви”)**»). Разлука, расставание, разъединение, потеря дружеских и семейных связей буквально преследуют героев рассказов, поэтому в отличие от рассказов «Биянкурских праздников» в этом цикле представлены гораздо более

¹⁷ Каспэ И. Искусство отсутствовать. Незамеченное поколение русской литературы. М., 2005. С. 141.

дифференцированные образы персонажей с детально прописанными психологическими чертами. Используемые приёмы антигероизации и «овеществления» подчёркивают театрализацию мира и «работают» на создание образов *homo ludens* - «героя-куклы», «героя-марионетки», бесцельно существующего в ветхих декорациях жизни. В качестве принципиально нового подтипа в данном цикле рассказов представлены аморальные приспособленцы, «хищники-обманщики», чья жизнь не лишена элементов борьбы, но борьба эта ведётся сугубо из эгоистических побуждений. Они жаждут комфортного существования, для них характерны самолюбование и отсутствие подлинно нравственных начал. Конформизм становится определяющей линией поведения таких героев, среди которых появляется целая галерея подтипов, а именно: находящий в любовных утехх временное спасение *дон-жуан* (Александр Львович из рассказа «Твёрдый знак»), отрешившийся от земной юдоли, но насквозь фальшивый *идол* (Константин Иванович в рассказе «Те же, без Константина Ивановича») и др.

Дальнейшее развитие антигероизация получает в повести «Облегчение участи», ретроспективные вставки которой дают представление о пути изначально униженного эмигранта, достигающего, в конце концов, благополучного состояния. Но парадокс заключается в том, что новые благоприятные обстоятельства и подталкивают героя к самым подлым его поступкам.

В четвертом параграфе « **“Облегчение участи”**: подтип **“бесёнок”** » раскрывается образ главного героя этой повести - Алексея Асташева, - который оказывается, по сути, «мелким бесом» новой формации («бесёнком»), отказывается от соблюдения моральных норм и пренебрегает нравственными барьерами, заключая своеобразную сделку с потусторонним миром. При этом герой-«бесёнок» лишается национальной и гендерной определенности. Подтип такого героя, намеренно связывающего свою жизнь с «тёмными» силами и видящего в этом собственное спасение, возникает у Берберовой и в женском воплощении – «чертовке», которой в повести оказывается Ксения Андреевна.

«Чертовка» – это и героиня повести «Лакей и девка» (1937), описываемая в пятом параграфе – **«Жизненное фиаско героини-“чертовки” (“Лакей и девка”)**». В повести Берберова развивает свой излюбленный прием, противопоставляя «сильную» и «слабую» женщину. Центральной характеристикой «хищных» героинь Берберовой всегда выступает нарочитая сексуальность и повышенное внимание к противоположному полу. Это тип «демонического» героя с заостренно «агрессивными» чертами. Рядом с такой героиней оказывается и герой «лакей» - эволюционирующий подтип «жалко-совестливых» героев: такой персонаж неожиданно для себя становится способен на великую подлость, но это не даёт ему чувство самодостаточности, а лишь ставит в ещё более унижительное положение.

Применительно к художественной прозе Берберовой недостаточно говорить лишь о трансформации художественных подтипов, превращении «слабого» героя («биянкурские» герои) в агрессивного и аморального завоевателя мира, обречённого на неудачу. Существуют и другие большие категории «побеждённых» героев, которые обозначены как «борющиеся пораженцы» и смирившиеся интеллигенты – «мыслящие тростники». Их объединяют умение мыслить и определённый интеллектуально-культурный уровень, способность к саморазвитию вне зависимости от трудных условий, в которых они по воле судьбы оказываются. Следовательно, они способны сопротивляться обстоятельствам и изменять себя: «борющиеся пораженцы» к такой борьбе готовы, а «мыслящие тростники», описываемые в шестом параграфе – **«Отказавшиеся от борьбы в повестях “Мыслящий тростник” и “Чёрная болезнь”** », - от столкновений сознательно уклоняются. Герой подтипа «мыслящий тростник», при сохранении богатства внутреннего мира, всегда остается «пассивным интеллигентом», не идущим на открытое противостояние жизненным обстоятельствам. Это сближает его с типом «лишнего» человека, традиционным для русской литературы.

Применительно к разрабатываемой в диссертации типологии повесть «Мыслящий тростник» представляет особый интерес: здесь сталкиваются два

подтипа «побеждённых» персонажей, «мыслящий тростник» (Евгений) и «борющийся пораженец», представленный вариантом «бунтующий» (Людмила Львовна), отличающиеся тем, что каждый из этих героев пытается отстаивать свои интересы. В этом отношении данная повесть представляется тем идеальным для Берберовой жанровым решением, где наиболее продуктивно «сталкиваются» разнообразные вариации героев, образуя необходимый для развития сюжетной линии конфликт. Сама Берберова, всегда любившая взглянуть на себя и своё творчество со стороны, писала в «Курсиве моём» следующее: «... в середине тридцатых годов я начала понимать, что самая подходящая для меня форма есть повесть (длинный рассказ)»¹⁸. Тем не менее, писательница на протяжении всего творческого пути неоднократно обращалась и к роману.

Применительно к анализируемому в седьмом параграфе – **«Роман “Последние и первые” как импульс к формированию типологического разнообразия персонажей»** – дебютному роману Берберовой указывается, что на фоне общей погружённости эмигрантской литературы в бытийственные проблемы в нём обращают на себя внимание два момента: акцент на социально-бытовой проблематике и поиск положительного героя. Тема противопоставления героев, обладающих различными жизненными принципами, и мотив борьбы с обстоятельствами в этом произведении выражены очень явственно. «Первые» противопоставлены «последним»: выразителем идеи «первых» является Илья Горбатов, активист и незаурядный для своего времени волевой человек, организующий в Провансе артель русских рабочих и именно в работе на земле видящий спасение эмиграции в целом. Илье противопоставлен Алексей Иванович Шайбин (подтип «жалко-совестливых» героев - «сломленный»), «последний» по мнению одной из героинь – Нюши (подтип победительницы - «роковая»), являющейся возлюбленной и Шайбина, и Ильи.

¹⁸ Курсив мой. С. 398.

В образе Ильи Горбатова оказались сконцентрированы многие надежды русской диаспоры за границей. Идея «сильного» человека, способного приложить усилия, чтобы поселиться на чужбине, сделать чужую землю своей, принять её и освоить, очень близка общественной позиции и самой Берберовой, которая в эмиграции призывала «осваивать» новую действительность и, не ударяясь в излишнюю сентиментальность и тоску, жить сегодняшним днём.

Разбираемый в восьмом параграфе, озаглавленном **«Конфликт “борющегося пораженца” и “победительницы” (“Повелительница”)**», второй роман Берберовой выдвигает на первый план подтип «роковой» героини, Лены Шиловской, имеющей все необходимые черты женщины, способной одерживать победы и навязывать окружающим свою волю. Обладая самостоятельностью - важнейшим в понимании писательницы качеством характера, Шиловская настолько независима, что это в некоторой степени мешает ей обрести личное счастье, поскольку любая социализация и построение отношений с другим человеком предполагает своего рода компромисс и возможность принять чужую жизненную позицию и волю, а «роковая» Лена ещё во многом и «демоническая женщина», не лишенная элементов «вампиризма». Её противник-возлюбленный Саша представляет собою тип «борющегося пораженца». Он внешне готов к борьбе, но его проигрыш в соприкосновении с таким человеком, как Лена, предопределён. Но как художник Берберова оставляет открытым финал романа, давая возможность читателю самостоятельно «додумать» представленную ситуацию.

Девятый параграф – **«Обретение счастья “победителем” (“Без заката”)**» – посвящен анализу ещё одного «сильного» женского образа (Веры), противопоставленного героям-мужчинам («борющимся пораженцам»), разработанным здесь менее отчетливо. Мысли «сильной» Веры и её поведение напрямую соотносятся с размышлениями Берберовой, о которых она рассказала в «Курсиве моём». Это один из случаев в творчестве писательницы (наравне с образом Сони из «Мыса Бурь»), когда так активно для «расшифровки» характера героини привлекаются многочисленные автобиографические

подробности. Наделенная от природы желанием «властвовать», подчёркнутым витализмом и непреходящей любовью к жизни Вера представляет собой подтип «счастливой» героини и, безусловно, становится «победителем». Она просто ждёт своё счастье и в итоге обретает его. Прямолинейный сюжет вызвал нарекания критиков, роман обвиняли в неправдоподобности (С. Савельев, Д. Кнут), однако такое сюжетное развитие наиболее точно и полно воплощает жизненные стратегии самого автора.

Четвёртый, поздний роман Берберовой, «Мыс Бурь», написанный после войны, ознаменовал собой целую веху в философском осмыслении писательницей роли парижской ветви русской эмиграции и отразил эволюцию в развитии противопоставления «победители/побеждённые» в её творчестве. Берберова развернула в нём широкую панораму из жизни эмигрантов, обрисовав разнообразные русские характеры. Именно поэтому она обращается к семейной теме и помещает в центр повествования большую семью. В десятом параграфе третьей главы – **«Превращение героя-победителя в “жестокоего интеллигента” (“Мыс Бурь”)**» – подчеркивается, что противопоставление двух онтологических сущностей, обозначенных в исследовании как «победители» и «побеждённые», отражено в романе на метафорическом уровне. Более того, это единственный художественный текст Берберовой, где устами своих героев она чётко прописывает разделение людей на две противоположные группы (люди-«гвозди» и люди-«насекомые»). В образе Сони, у которой есть все задатки «победительницы», отражён эволюционный этап сознания писательницы, пережившей во время оккупации Парижа духовный кризис. Соня, совершая самоубийство, развенчивает миф о непобедимости «победителя» и попадает в категорию «борющихся пораженцев», определяемую в данном случае как «жестокый интеллигент». До определённого момента она способна бороться, и, кажется, ничто не может остановить её жестокое, но триумфальное шествие по жизни, но неожиданно она добровольно отказывается от самой жизни, этого предельно дорогого (в системе ценностей Берберовой) феномена, вызывая ужас у своего слабого

окружения. Теперь её близкие окончательно теряют последнюю веру в свои силы.

Таким образом, предпринимаемая в главе попытка разделить на подтипы героев художественной прозы Берберовой не нарушает бинарной оппозиции «победители/побежденные», но углубляет принятую за точку отсчета персонажную дихотомию, принципиально важную для творчества и мироощущения писательницы. «Победители» и «побежденные» становятся исходной точкой, из которой расходятся лучи-векторы по направлению к более детализированным типажам и вариантам.

Из анализа типологии героев в художественных текстах Берберовой следуют такие выводы: 1) бинарная оппозиция «победители/побеждённые» применима и вполне убедительно проявляет себя на материале художественных произведений писательницы; 2) среди женских образов героев-«победителей» (триумфаторов) гораздо больше, что, очевидно, связано с ориентацией писательницы на себя и свой собственный образ, получивший впоследствии творческую рефлексию в книге «Курсив мой»; 3) на материале художественной прозы бинарная оппозиция «победители/побеждённые» порождает разнообразные варианты героев, которые в свою очередь делятся на подтипы. Если речь идёт о «побеждённых», среди них выделены «жалко-совестливые», «хищники-обманщики», «борющиеся пораженцы» и «мыслящие тростники». «Жалко-совестливые» в свою очередь включают в себя подтипы «лакей» и «сломленный». «Хищники-обманщики» представлены подтипами «дон-жуан», «идол», «чертовка» и «бесёнок». «Борющиеся пораженцы» могут оказаться «бунтующими» или же «жестокими интеллигентами», последние из которых генетически представляют собою поздний, послевоенный эволюционный этап в осмыслении образов «победителей» в целом. В художественной прозе присутствуют также герои типа «мыслящий тростник», которые достаточно однородны по своим характеристикам.

Если же делить подтипы среди «победителей», то полученные варианты окажутся следующими: это едва ли не единожды представленный образ

мужчины-победителя в ипостаси «первопроходца» в романе с открытым финалом, а также галерея женских образов, таких, как «талантливая», «роковая» и «счастливая».

На уровне поэтики Берберова «прописывает» героев художественных текстов через деталь, воссоздание быта, вариативность поведения. Именно нюансировка и детализация и позволяют писательнице достичь психологической достоверности, в то время как сюжет и композиция, игравшие такую значительную роль в художественно-публицистической и автодокументальной прозе писательницы, здесь отходят на второй план.

Совершенно особым образом преломляется в художественной прозе Берберовой такое важное понятие поэтики, как трагическое. Напрямую связанная с внутренним конфликтом героя, данная категория эксплицитно обнаруживается лишь у некоторых типов персонажей. Так, особо трагически переживают столкновение с реальностью «борющиеся пораженцы», что само по себе уже определено их характером и в итоге ни к чему не приводящим стремлением закрепиться в обществе.

Внутренний конфликт и трагическое мироощущение ярко выражены и у «мыслящих тростников». Пусть даже эти героини сознательно и избегают борьбы и столкновения с жизнью, они всё же пережили в прошлом глубокую жизненную драму (и об этом всегда сказано в тексте – прямо или с помощью намёков), которая и сломила их. Поэтому их взгляд на мир почти всегда пессимистичен, что оправдано и объяснено психологически.

По-своему трагичны и «хищники-обманщики», добровольно примеряющие на себя маски подлеца и злодея и находящие в этом амплуа своё спасение. Их трагедия разворачивается в два этапа, первый из которых – это ощущение и преодоление постылой социально-бытовой неустроенности, а второй (уже после совершения злодеяния) сопряжён с ощущением полного одиночества, заброшенности, ненужности при внешне благополучной жизни.

«Жалко-совестливые» героини тоже переживают потерю за потерей, но в них трагическое внешне выражено менее ярко, так как по своим внутренним

характеристикам эти герои составляют собирательный образ бянкурской толпы: это привыкшие к страданиям и неустроенности люди. Трагедия у них глубоко внутренняя, личная, затаённая и укоренённая в прошлом. Причина их неудач кроется в социальной несправедливости, что становится очевидным из воссоздания писательницей общей атмосферы их существования.

Практически лишены трагического ореола герои-победители. В них эта категория «заменена» категорией героического. Они счастливы, и это заставляет всех окружающих воспринимать их не иначе, как триумфаторов, тем более что их путь к достижению цели редко бывает долгим или сложным.

«“Творец-музыкант” как особый тип героя в биографических романах “Чайковский” и “Бородин”» рассмотрен в четвёртой главе. Герои двух беллетризованных биографий Берберовой, посвященных русским композиторам («Чайковский», 1936; «Бородин», 1938) реально существовали. Следовательно, они не являются в полной мере плодом авторской фантазии, что требует особого подхода к их типологической характеристике.

Берберову привлекли личности композиторов с непохожей музыкальной судьбой и совершенно разной творческой активностью, но жили они в одно и то же время, их судьбы пересекались: сами Чайковский и Бородин чувствовали определённое душевное родство. Это принципиально важно для автора, так как позволяет, несмотря на разницу в привычках и образе жизни героев, охватить один и тот же круг проблем: у обоих неудачные браки, их постоянно преследуют обстоятельства, которые препятствуют творчеству, они одиноки, а признаком их «поражения» в жизни может служить «дезориентация», что настойчиво подчёркивается автором на протяжении развёртывания событийной канвы романов. О житейской неприспособленности героев свидетельствует и их положение музыкантов, ведь музыкальное искусство – самое, пожалуй, нематериальное, требующее наибольших усилий; его труднее всего «передать», «донести», и это во многом предопределяет «изолированность» музыкантов от бренной жизни.

Чайковский и Бородин, воспринимаемые в обыденной, бытовой жизни, переданной с помощью множества деталей, которые буквально подавляют героев, как «побеждённые», вдруг получают признаки героев-«победителей», как только речь в романах заходит о процессе творчества. И именно в этом и заключается *амбивалентность* образов композиторов. По своим внешним характеристикам они должны быть причислены к героям «побеждённым», но их внутреннее ощущение в момент творческого порыва отражает состояние души «победителя» и содержит в себе признаки героического. Тема болезненного раздвоения личности - между бытием в сфере искусства и проживанием обыденной жизни - является определяющей для подхода Берберовой к избранному материалу, а переживание героями внутренней трагедии наделено во многом взаимоисключающими характеристиками: это и источник творчества музыкантов, и причина их страданий.

Таким образом, вполне уместно утверждать, что в 30-е годы в творчестве Берберовой возник особый тип героя, обозначенный в диссертации как «**творец-музыкант**». Этот тип находится на одном уровне с оппозицией «победители/побеждённые», так как включает в себя признаки и «победителя», и «побеждённого». И появление такого амбивалетного образа уже в середине творческого пути предсказывало и во многом определяло ту эволюцию, которая впоследствии обозначилась в «Курсиве моём».

В **Заключении** обобщаются результаты проведенного исследования и излагаются основные выводы. Представленная типологическая система героев является многоступенчатой, разнородной и отражающей многообразие человеческих типов, которое было раскрыто Берберовой в различных прозаических жанрах. Но исходный момент распределения героев по группам и сам принцип деления - «победители»/ «побеждённые» - при этом остаются едиными для всех прозаических текстов. И это, скорее, не исследовательский постулат, а закономерное отражение внутреннего системного взгляда писательницы, которая сама, создавая свои произведения, тоже являлась по сути настоящим исследователем: только человек с врождённой научной

пытливостью решил бы написать, что ему «нужно было самой найти свою жизнь и её значение»¹⁹.

Основные положения диссертационного исследования отражены в следующих публикациях.

Публикации в журналах, рецензируемых ВАК:

1. *Малыхина Э.С.* Образы Италии в прозе Нины Берберовой // Актуальные проблемы высшего музыкального образования. Нижний Новгород, 2011. № 5 (21). Сс. 38-43.
2. *Малыхина Э.С.* Образы Чайковского и Бородина в биографических романах Нины Берберовой // Актуальные проблемы высшего музыкального образования. Нижний Новгород, 2012. № 4 (25). Сс. 61-66.

Публикации в зарубежных изданиях:

1. *Малыхина Э.С., Михайлова М.В.* Быт русской эмиграции первой волны в изображении Нины Берберовой (цикл «Рассказы не о любви») // Поэтика быта в русской литературе XVIII-XXI вв. München, 2013. Сс. 112-117.

Публикации в российских журналах и сборниках:

1. *Малыхина Э.С.* Роль музыки в малых жанрах прозы Нины Берберовой // Материалы XV международной научной конференции студентов аспирантов и молодых учёных «Ломоносов-2008». Секция «Филология». М., 2008. Сс. 543-545.
2. *Малыхина Э.С.* "Музыкальная проза" Нины Берберовой // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. М., 2009. № 3 (II). Сс. 85-90.
3. *Малыхина Э.С.* Символика звука в повести Н.Берберовой "Роқанваль" // Материалы XVI Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых "Ломоносов-2009". Секция «Филология». М., 2009. Сс. 539-541.
4. *Малыхина Э.С.* Роман Н. Берберовой «Последние и первые»: к проблеме формирования стиля писательницы // Материалы Международного молодежного научного форума «Ломоносов-2012». М., 2012. С. 17.

¹⁹ Курсив мой. С. 5.

5. *Малыхина Э.С.* Биографические романы Н.Н. Берберовой «Чайковский» и «Бородин»: модернизация жанрового канона // Российское историко-культурное наследие, 2011-2012. № 6-7. Сс. 107-114.

6. *Малыхина Э.С.* Стиль романа Н.Н. Берберовой «Последние и первые» // Актуальные проблемы филологической науки. Выпуск 5. М., 2013. Сс. 125-129.